
Роман Тименчик

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ» АННЫ АХМАТОВОЙ. ИЗ «ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ». I

Индекс из полутора тысячи имен, встречаемых на страницах ахматовских рабочих блокнотов¹, представляет собой один из ключей к сокровенному миру интересов, впечатлений, замыслов, воспоминаний поэта в последние годы жизни. На самом деле этот ономастикон обширнее, чем список начертанных ее рукой имен и фамилий, ибо часто имя забыто или недописано, оно может быть укрыто за почтовым адресом, за осколком книжного титула, за слепой библиографической ссылкой, за опиской и ослышкой. Оно иногда полустерто в нарицательности, в аббревиатуре или в анонимной цитате.

В этом именнике — люди близкие и неблизкие, «свои» и случайные, авторы читательских писем, одноразовые визитеры, работники издательств и бухгалтерий, машинистки, врачи, массажистки, милиционер, критики и мемуаристы, упомянувшие Ахматову, переводчики ее стихов, литературные персонажи, герои и героини Библии и классической мифологии, домовладельцы по былым адресам, переводимые ею авторы, цитируемые пушкинисты, персоны из пушкинской эпохи и т. д.

Если позволительно делить биографию поэта на «нетворческие» и «творческие» участки, то надо заметить, что вторые, находящиеся в ведении литературной науки, в случае данного поэта во многом определяются персоналиями встречных (и, что очень существенно именно для Ахматовой, «поперечных»). Если мы хотим оценить поздние ахматовские стиховые и прозаические тексты во всем богатстве их художественного смысла, мы должны идентифицировать ее собеседников как носителей определенного культурного сообщения. Ее слова о «Поэме без героя» — «мне казалось, что мы пишем ее все вместе» — смело могут быть приложены ко всему ее позднему творчеству. Закатная лирика и проза Ахматовой вырастает из напряженного диа-

логического поля: «Ахматова вступала в глубоко личные отношения с неслыханным количеством людей <...> и гляделась в них, как в зеркало, словно ища свое отражение в их зрачках»². Сама Ахматова пометила словом «Хорошо» формулировку в одной из статей Н. Я. Берковского: «...братство и равенство душ — главная предпосылка лирики. Лирическая поэзия — всегда наша связь с другими, с теми, от кого исходит лирическое признание»³.

Регистрация собеседников, во плоти и мысленных, есть таким образом, помимо прочего, картографирование зоны чужого слова, участвующего в смысловой стройке поэтического текста. Оно может быть выписано или только обозначено библиографическим адресом, причем иногда только номером страницы без указания титула книги. В качестве общего принципа можно сформулировать, что для поздних ахматовских текстов всегда существует текстопорождающая цитата, а в качестве эмпирического наблюдения — что она так или иначе означена в корпусе записных книжек, иногда в самой свернутой форме — именем автора, которое к тому же может быть введено метонимически. Бывает, в ряде записей иррадируют солидарные или полемические отголоски чтения одной книги, не всегда называемой. Подобно тому, как щедро представленная в ахматовских блокнотах автобиблиография является скрытым каталогом творческих толчков, разных «сочетаний слов в случайной книге» или «сердитых окриков», так и списки посетителей, и даже телефонный реестр, являются такими же индексами возможных раздражителей, в диалог с которыми вступают ахматовские записи. Дело не только в реконструкции вопросов, которые задавались Анне Ахматовой и ответами на которые становились ее записи. Дело в партии собеседника, в той информации, которую он вводил в диалог и без которой нет у нас смысловой полноты ахматовских высказываний.

Не абсолютизируя графологический факт и не нагружая какой-либо поэтологической семантикой запись номера телефона массажистки или корсетницы, будем, однако, помнить о том, что руке поэта присущ свой индивидуальный ритм, что осколки его сообщения миру могут быть обнаружены, пусть в миллиметрических проявлениях, во всем, им начертанном, — напомним слова Пастернака о продекламированных не своим голосом, но записанных этой рукой «вымученных ямбах» во славу И. В. Сталина: «Ну они там какие-нибудь... но это все-таки Ахматова...»⁴.

Нижеприводимые выборочно из обширного именованного указателя справки, или, как говорил Антиох Кантемир, нужное историческое известие поминаемых особ, составлены применительно к участию разных лиц в ахматовской биографии и, наоборот, к присутствию ахматовской темы в их жизнях, что, возможно, и составляет истинную судьбу поэта.

Напишите о ней подробнее. Все, что ее касается, — меня крайне волнует»; и от 5 ноября 1935 г.: «Вы мне ничего не написали, что рассказывал Замятин об Ахматовой и маленьком Гумилеве» (*Шаховская З.* Отражения. Париж, 1975. С. 93, 96). Речь идет о встрече З. Шаховской с Е. И. Замятиным в декабре 1935 г. Какие-то отголоски замятинского рассказа, возможно, попали в тогдашнюю статью З. Шаховской. Например: «...за свободно принятое на себя страданье, за прозрачную и святую грусть, — все те, кому довелось знать Анну Ахматову, произносят ее имя негромко, с любовью и уважением» (*Шаховская З.* Женский облик: (Анна Ахматова) // Русский еженедельник в Бельгии. 1934. 20 апреля; перевод с французского статьи из журнала «Thyrse»).

В детстве А. С. Штейгера две зимы его семья провела в Петербурге. «Именно в эти годы Петербург переживал свой последний расцвет, был особенно блестящ, и утончен, и беспокоен — перед своей гибелью. В Бродячей Собаке сидела Анна Ахматова, Мандельштам; на Сергиевской, в доме Мурузи, принимали по воскресеньям Мережковские; жил, дышал и писал Александр Блок. Я отдал бы половину моей жизни за то, чтобы мне в 1912 году было не пять лет, а хотя бы семнадцать, чтобы я тоже мог ходить в Бродячую Собаку, пить чай у Мережковских, сознательно переживать последние дни этого обреченного и удивительного города» (*Дальтон М.* Детство Анатолия Штейгера: Из его воспоминаний // Новый журнал. Нью-Йорк, 1984. № 154. С. 127).

См. о нем биографическую заметку А. Головиной и предисловие Ю. Иваска к кн.: Анатолий Штейгер. 2×2=4: Стихи 1926—1939. New York: Russica Publishers, Inc., 1982.

Эткинд Ефим Григорьевич (1918—1999) — литературовед. В списке возможных адресатов дарения «Полночных стихов» в сентябре 1963 г. (С. 161). Запись адреса и телефона его рукой осенью 1965 г. (С. 743).

См. его письмо от 19 мая 1965 г. о предстоящей через неделю передаче Ленинградского телевидения, посвященной М. Л. Лозинскому, с просьбой принять участие (№ 1065). Ср. инскрипты на его брошюре «Об искусстве быть читателем (Поэзия)» (Л., 1964): «Анне Андреевне Ахматовой со страхом, который немного успокаивают только строки на стр. 44—45. У этой книжки был эпитафия, снятый издательством (см. стр. 3) Е. Эткинд 20.2.65» (МАА; на стр. 3 вписан эпитафия: «...И каждый читатель — как тайна, Как в землю закопанный клад»; на стр. 44—45 — стихотворение О. Мандельштама «Домби и сын») и на его книгах «Семинарий по французской стилистике: Пособие для студентов пед. ин-тов. Ч. 1: Проза. Ч. 2: Поэзия» (Л., 1960) — «Анне Андреевне Ахматовой, большому русскому поэту — с чувством великого восхищения и неизменной любви к ее стихам. Е. Эткинд. 12 IX-61 г.» (МАА).

В 1965 году возник нереализовавшийся план напечатать несколько переводов Ахматовой и А. Наймана из Дж. Леопарди в газете «Неделя» с предисловием Е. Г. Эткинда (*Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой*. М., 1999. С. 268).

В интервью 1989 года он говорил: «У меня почти нет личных воспоминаний об Ахматовой. Однажды был трудный разговор. Я готовил один из первых выпусков Верлена и Бодлера в серии “Сокровища лирической поэзии”. И очень просил Анну Андреевну помочь. Нет. Стихотворения Верлена существовали уже для неё в единственно возможной форме. Вообще предпочитала переводить с языков, которые она знала не так хорошо, как французский.

Есть и еще одно воспоминание. Как-то перед уходом из ее будки в Комарове я сказал: “Анна Андреевна, у меня есть очень большая просьба...”. Она поглядела на меня царственно и обронила: “Вы хотите, чтобы я подписала вам книгу?” И мне стало страшно обидно, ведь именно этого я и не хотел» (*Мазо Б. «Кто знает, что такое слава!» // Вечерний Ленинград. 1989. 21 июня*).

Примечания

- ¹ *Ахматова А. А. Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; Вступ. ст. Э. Г. Герштейн; Науч. консультирование, введ. заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996; в дальнейшем в тексте: С. и цифра в скобках; единицы личного архивного фонда А. А. Ахматовой (№ 1073) в Российской национальной библиотеке: № и цифра в скобках. МАА — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.*
- ² *Мандельштам Н. Я. [Об Ахматовой] / Публ., примеч. и послесл. П. Нерлера // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 142.*
- ³ *Пакшина Н., Позднякова Т. Библиотека Анны Ахматовой // Библиофилы России: Альм. М., 2004. Т. 1. С. 75.*
- ⁴ *Воспоминания о Борисе Пастернаке / Сост., подгот. текста, коммент. Е. В. Пастернак, М. И. Фейнберг. М., 1993. С. 504 (воспоминания Т. Эрастовой).*